

БЕХНАЗ ЗАРАБИЗАДЕ

ЖЕНА ГЕРОЯ

ВОЕННАЯ
ПРОЗА

Военная проза

Бехназ Зарабизаде

Жена героя

«Садра»

2012

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

Зарабизаде Б.

Жена героя / Б. Зарабизаде — «Садра», 2012 — (Военная проза)

ISBN 978-5-4444-6364-2

Этот скромный труд посвящается памяти безвременно ушедших командира Саттара Ибрахими-Хажира и его благородной и терпеливой супруги Гадам-Хейр Мохаммади-Кенаан, а также всех достойных сынов нашей Родины, погибших на ирано-иракской войне. Вечная благодарность им за их великий подвиг. Бехназ Зарабизаде

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

ISBN 978-5-4444-6364-2

© Зарабизаде Б., 2012
© Садра, 2012

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Бехназ Зарабизаде

Жена Героя

© Полищук А.И., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Садра», 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Воспоминания Гадам-Хейр Мохаммади-Кенаан, супруги героически
погибшего командира Саттара Ибрахими-Хажира
Записала Бехназ Зарабизаде

Предисловие

Я дала себе слово обязательно написать о твоей жизни. Я позвонила тебе домой, и ты сама сняла трубку. Мне казалось, что со мной будет говорить пожилая женщина, и я не могла поверить, что у тебя такой молодой голос. Сначала мне пришло в голову, что, может быть, к телефону подошла твоя дочь. Я сказала, что хочу поговорить с женой господина Саттара, а ты рассмеялась и ответила: «Это я».

Я услышала твою историю. Ты одна вырастила пятерых детей, оставшихся ещё совсем маленькими после смерти Саттара. С каким же трудом тебе это далось! Я подумала про себя: «Хорошо, что это оказалась именно ты. Надо описать жизнь этой женщины. Слава Богу, что всё так сложилось». Ты сказала, что не привыкла давать интервью, однако мы всё же договорились о первой встрече. Она состоялась 21 апреля 2000 года. В это время как раз поспевала алыча. Я приходила к тебе домой, садилась напротив, включала диктофон, и ты начинала рассказывать о своей жизни, об отце с матерью, о твоей милой родной деревушке, о детских годах вплоть до времени, когда ты познакомилась с Саттаром, и до начала войны. Мысли о твоём муже тесно переплетались с воспоминаниями о войне. Война легла тяжёлым бременем на твой маленький дом и твои хрупкие, слабые плечи, на плечи Гадам-Хейр Мохаммади-Кенаан. Однако никто этого так и не понял.

Ты рассказывала, а я всё записывала на диктофон. Мы обе смеялись и плакали. Во время священного месяца Рамазан мы прервали нашу беседу. Ты была рада соблюдать пост и в конце сказала мне: «Я не хотела тебе ничего говорить, а в итоге всё рассказала». А я радовалась ещё больше тебя и уехала обрабатывать полученный материал.

Мы договорились, что, когда рукопись будет готова, я отдам тебе её целиком, чтобы ты прочитала и добавила что-нибудь, если я пропустила. Однако сделать этого так и не удалось. Когда я узнала о твоей беде, то начала тебя искать, но не с пачкой бумаги, а с несколькими банками компота. Это случилось 1 января 2001 года. Я увидела, что ты лежишь на кровати, раскрыв глаза. Ты смотрела на меня, но явно не узнавала. В это невозможно было поверить. Я сказала тебе: «Гадам-Хейр, это я, Зарабизаде. Помнишь, как ты мне рассказывала о своей жизни? Я в это время ела алычу и под тем предлогом, что она кислая, жмурилась, чтобы ты не видела моих слёз. В конце концов, я не для того пришла, чтобы вновь заставлять тебя ещё раз переживать все твои страдания».

Помнится, ты мне говорила: «Для меня радость уже в том, что после всех этих лет ко мне пришла женщина и села рядом, попросив, чтобы я поведала ей о своём долгом одиночестве и страданиях, о которых до этого никому не рассказывала». «Когда я рассказываю о муже, – говорила ты, – то вспоминаю о своей тоске по нему. Мы с ним прожили восемь лет, но мне всегда его не хватало. У нас были особенные отношения. Мы любили друг друга, но нам всё время приходилось расставаться. Поверьте, за эти восемь лет мы чуть больше нескольких месяцев были вместе. Он был моим мужем, но мне не принадлежал. Детям всегда было нужно внимание отца и после его смерти им его очень не хватало. Они всё время спрашивали меня, почему за другими детьми отцы приходят в школу, а за ними нет, неужели у них нет отца? Мне приходилось отвечать, что у них есть только я одна. Бывало, я строила пятерых детей друг за другом и мы все вместе шли отводить в школу старшую дочь Хадиджу. Средняя, Масума, в то время училась во вторую смену. В полдень мы впятером шли за Хадиджой и приводили её домой, а Масуму вели в школу уже вшестером. Вечером история повторялась, и так продолжалось день за днём».

Я плакала, когда ты мне рассказывала о снегопадах и о том, как тебе приходилось сбрасывать снег с крыши и убирать его во дворе. Моя милая подруга! Ты одна вырастила своих детей, женила сына, выдала замуж дочерей. А как ты переживала за младшую дочь! Подни-

мись же с постели! Ведь ты ещё не закончила свой рассказ. Я включила диктофон. Почему ты ничего не говоришь?! Почему смотришь на меня таким отсутствующим взглядом?

Не скрывая слёз, твои дочери говорят: «Мы только что поняли, что мать была больна много лет, но ничего не говорила, чтобы не волновать нас. Она боялась, что мы расстроимся. Мама любила повторять, что только теперь мы вздохнули и начали жить, как все нормальные люди, и она не хочет омрачать нашу жизнь своими проблемами.

«Ох, уж эта проклятая болезнь...» – сетует твоя сестра. Но нет, я не хочу, чтобы кто-то говорил, кроме самой Гадам-Хейр. Гадам, дорогая, так дело не пойдёт! Ты должна закончить рассказ о своей жизни. Ты всё сказала о своём супруге, о Хаджи. Теперь настала очередь рассказать о твоём терпении и мужестве, о твоём героизме, а ты взяла и слегла. Почему ты не узнаёшь меня?! Поднимись же с постели! Ты должна рассказать о себе. Я включила диктофон и сижу напротив тебя. Не смотри же на меня таким отсутствующим взглядом.

*Бехназ Зарабизаде
Лето 2012 года.*

Имя: Гадам-Хейр Мохаммад и-Кенаан.

Дата и место рождения: 7 мая 1962, деревня Каэш, область Разан, провинция Хамадан¹.

Дата замужества: 4 ноября 1977 года.

Дата смерти: 7 января 2010 года.

Имя: Саттар Ибрахими-Хажир, командир 155-й дивизии корпуса «Ансар-оль-Хусейн».

Дата и место рождения: 2 ноября 1956, деревня Каеш, область Разан, провинция Хамадан.

Дата смерти: 3 марта 1987 года.

¹ Провинция Хамадан с одноимённым административным центром (он же Экбатана, столица древней Мидии) расположена на северо-западе Ирана (здесь и далее примечания переводчика).

Глава 1

Отец был болен. Говорили, что у него какая-то серьёзная болезнь. Однако когда я родилась, он пошёл на поправку.

Вся семья, друзья и знакомые считали, что моё рождение помогло отцу выздороветь. Мой дядя тогда очень обрадовался и как-то сказал:

– Этот ребёнок принёс нам такое счастье! Давайте назовём девочку Гадам-Хейр².

Я была самым младшим ребёнком в семье. У меня было две сестры и четыре брата, которые были намного старше меня, а кое-кто из них уже жил отдельно своей семьёй. Поэтому я стала любимым ребёнком для отца с матерью. Особенно сильно меня любил отец.

Мы жили в одном селении, в области Разан. Мне очень нравилось жить в этой красивой деревне под названием Каеш, нравился её прекрасный климат. Деревню со всех сторон окружали виноградники и обширные поля, засеянные пшеницей и ячменём.

С утра до вечера мы с соседскими девочками разного возраста бегали по пыльным деревенским улицам. Играм и смеху не было конца. По вечерам мы поднимались на крыши домов и брали с собой кукол, которых мастерили сами из ткани и ниток. Положив все свои игрушки в подол, я вместе с остальными поднималась по приставной лестнице на крышу и играла там в дочки-матери.

Остальные дети обожали мои игрушки. Я выкладывала перед подружками все игрушки, которые покупал мне отец в городе, чтобы они смогли вволю наиграться с ними.

Вечером, когда на небе появлялись звёзды, дети по очереди спускались с крыши и убежали к себе домой. Я же оставалась сидеть на крыше и продолжала играть. Иногда, когда мне надоедало это занятие, я ложилась на спину и смотрела на серебряные звёзды, которые подмигивали мне с тёмного небосвода. Когда совсем темнело и становилось прохладно, за мной приходила мама. Она обнимала и целовала меня, а потом спускала с крыши. В доме она кормила меня ужином, укладывала спать, клала руку мне на голову и пела колыбельную. Мама продолжала гладить меня по голове, пока я не засыпала. Потом она шла по своим делам, замешивала тесто и клала его на поднос, чтобы утром испечь хлеб.

Рано утром я просыпалась от запаха горящих дров и свежее испечённого хлеба. Лёгкий ветерок овеивал мне лицо. Я вскакивала и бежала умываться прохладной водой, которую рано утром мама приносила из колодца. Умывшись, я садилась к отцу на колени. Во время завтрака я всегда сидела у него на коленях. Он осторожно отламывал кусочек хлеба и, целуя меня в макушку, клал мне его в рот.

Отец был гуртовщиком. Раз в месяц он скупал в близлежащих деревнях овец и возил их на продажу в Тегеран и его окрестности. Это занятие приносило хороший доход. Каждый месяц он покупал и продавал целый грузовик овец, а во время своих поездок покупал мне разные игрушки. Самыми грустными днями в моей жизни в ту пору были те, когда отец уезжал на работу. Я так сильно рыдала, что у меня даже краснели глаза. Отец обнимал меня, быстро целовал и говорил:

– Если перестанешь плакать и будешь хорошей девочкой, я куплю тебе всё, что захочешь.

Услышав эти обещания, я успокаивалась и смирялась с его отъездом, а после начинала заказывать, что мне привезти.

– Папочка, мне нужна кукла с длинными волосами и голубыми глазами, которые открываются и закрываются. Купи ещё браслет и сандалии на деревянной подошве, чтобы они при ходьбе стучали, и игрушечную тарелочку и кастрюльку.

Отец целовал меня и говорил:

² В переводе с персидского языка означает «благая весть».

– Куплю, куплю. Только ты будь хорошей девочкой и не плачь. Улыбнись мне. Я всё тебе куплю.

Тогда я переставала плакать, но всё ещё продолжала хмуриться, так как знала, что не увижу его ближайшие два или три дня. Я сильно переживала по этому поводу, ведь мне совсем не нравилось оставаться одной. Мне хотелось, чтобы отец и днём, и ночью был рядом. Все жители нашей деревни знали о моей привязанности к отцу. Иногда, когда я ходила с мамой за водой или стирать бельё, женщины подходили и спрашивали у меня:

- Гадам, ты за кого выйдешь замуж?
- За своего папу, – говорила я.
- Ведь он тебе отец.
- Нет, он мой муж и покупает мне всё, что я захочу.

Я была ребёнком и ещё не понимала смысла этих слов. Женщины смеялись, перешёптывались между собой и продолжали стирать бельё.

Мне казалось, что дни, когда отец уезжал на работу, тянулись целую вечность. Мама с утра до вечера была занята домашними делами, а мне заняться было нечем, и от скуки я всё время капризничала. Мать говорила:

– Наслаждайся жизнью. Придёт время – ещё наработаешься, да так, что валиться будешь от усталости. Отец велел, чтобы я не заставляла тебя помогать мне.

Я решила наслаждаться жизнью, так как больше ничего другого мне не оставалось, но мои сёстры начали возмущаться и упрекать маму:

– Ты слишком балуешь и оберегаешь Гадам, исполняешь все её прихоти. Почему, когда мы были маленькими, ты к нам так не относилась?

Однако, несмотря на всю заботу, которую проявляли ко мне родители, я так и не смогла уговорить их отдать меня в школу. Отец считал, что девочкам вообще не надо учиться.

В то время в школе преподавал молодой учитель и классы были смешанными, поэтому мать говорила мне:

– Не хватало ещё, чтобы ты сидела вместе с мальчишками и тебя учил какой-то посторонний мужчина.

Но мне очень хотелось учиться в школе. Я знала, что отец не выносил моих слёз, и поэтому с утра до ночи плакала и умоляла его:

– Папочка! Прошу тебя Господом Богом, разреши мне ходить в школу!

Отец не выносил моих слёз и как-то раз сказал:

– Хорошо, ты только не плачь. Я завтра отправлю тебя с мамой в школу.

Я каждый раз верила, что отец говорит правду.

В тот вечер я, довольная, легла спать и до утра не могла заснуть. На рассвете я стала просить маму отвести меня в школу, однако пришел отец и начал всячески отговаривать меня от этой затеи. Он давал мне разные обещания и говорил, что сегодня слишком много других дел. Завтра, уверял он, я непременно пойду в школу. Мне оставалось лишь надеяться на то, что это действительно когда-нибудь произойдёт. К тому времени мне исполнилось уже девять лет, и мать научила меня правильно молиться. Помнится, в тот год в месяц Рамазан я впервые начала поститься. Первые дни поста были для меня очень трудными, но мне всё равно нравилось. Я с удовольствием вставала рано утром затемно, ела лёгкий завтрак, а потом постилась целый день³.

После окончания Рамазана отец взял меня за руку и отвёл в магазин своего двоюродного брата. После обычного обмена любезностями отец сказал дяде:

– Вот привёл дочь, чтобы купить ей подарок. Ей в этом году исполнилось девять лет, и она полностью соблюдала пост.

³ Во время поста мусульмане не едят и не пьют в дневное время суток.

Дядя вытащил из груды тканей, лежавших на полу лавки, белую чадру с красивыми розовыми цветочками и дал отцу, а тот развернул чадру и набросил её мне на голову. Чадра была как раз впору, как будто её сшили специально для меня. Я едва не подпрыгнула от радости. Отец рассмеялся и сказал:

– Дорогая Гадам, с сегодняшнего дня ты должна перед незнакомыми людьми носить чадру. Договорились? Ты же моя хорошая!

Вернувшись домой в тот день, я спросила у матери, что значит «знакомые» и «незнакомые» люди, «свои» и «чужие»? Когда кто-нибудь приходил к нам в гости, я всегда спрашивала у неё: «Этот мужчина “свой” или “чужой”?»

Порой мама выходила из себя от таких моих вопросов и поэтому, чтобы ей не надоедать, я стала накидывать чадру на голову каждый раз, когда в дом входил мужчина. Тогда вопрос о том, «свой» он или «чужой», терял для меня всякий смысл. Я даже стала надевать чадру в присутствии родных братьев.

Глава 2

Дом моего дяди вплотную примыкал к нашему. Я каждый день проводила у них в гостях по несколько часов. Иногда мама тоже приходила со мной.

Как-то раз я пошла туда одна. Был полдень. Я спустилась по высоким ступенькам, ведущим во двор, как вдруг прямо передо мной неожиданно появился юноша. Я замерла на месте и не могла от удивления вымолвить ни слова. На несколько мгновений наши взгляды встретились, а потом юноша опустил голову и смущённо поздоровался. У меня так стучало сердце, словно готово было выпрыгнуть из груди. Я настолько сильно испугалась, что не смогла даже ответить на приветствие. Не проронив ни звука, я бежала через двор и затем в один миг оказалась у себя дома.

В это время моя невестка Хадиджа доставала из колодца воду, но, увидев меня, от испуга выпустила из рук ведро.

– Гадам, что случилось? – спросила она. – На тебе лица нет.

Я немного постояла, чтобы отдышаться. Рядом с этой невесткой я чувствовала себя спокойней, потому что была с ней в более близких отношениях, чем с другими жёнами братьев. Я рассказала ей, что произошло, и она в ответ рассмеялась:

– Я думала, что тебя укусил скорпион. Ты что, мальчиков никогда не видела?!

Конечно, я видела мальчишек и раньше. Разве можно жить в деревне, играть с ними всё время и не сказать и двух-трёх слов? Но мне, кроме отца, никто раньше не нравился из мужчин или парней.

По-моему, мой отец был самым лучшим мужчиной во всём мире. Я его так сильно любила, что в юном возрасте мечтала только о том, чтобы никогда не дожить до его смерти. Когда в деревне кто-нибудь умирал и мне приходилось участвовать в похоронах, то единственной моей мыслью было, что когда-нибудь наступит день смерти и моего отца. Эта мысль настолько меня терзала, что я горько плакала и почти теряла сознание, а все думали, что я убиваюсь по покойнику.

Отец тоже был сильно ко мне привязан. Даже когда мне уже исполнилось четырнадцать лет, он иногда обнимал меня и целовал в лоб.

В тот вечер из разговора с матерью я узнала, что неожиданно встреченный юноша был моим троюродным братом и звали его Самад. С того дня в нашем доме стали появляться странные гости. Сначала пришёл мой двоюродный дед и стал говорить о чём-то с отцом. Затем настала очередь моей тётки. По утрам, закончив домашние дела, она приходила к нам, садилась во дворе и до обеда вела разговоры с матерью.

Потом появилась мать Самада, а через несколько дней пришёл и её муж. Моему отцу всё это сильно не нравилось, поэтому он говорил:

– Гадам – ещё ребёнок, ей рано замуж.

Но сёстры ворчали:

– Мы были ещё моложе, когда нас выдали замуж. Зачем же ей сидеть в девках?

Отец продолжал стоять на своём:

– Сейчас времена другие.

Мне очень нравилось, что отец так сильно меня любил. Я знала, что из-за этого он не согласится на моё замужество. Он не хотел так скоро со мной расставаться, однако семья Самада настаивала на своём. Они отправляли письма, присылали друзей и знакомых, чтобы добиться согласия отца.

Целый год они не оставляли своих попыток, а однажды вечером в нашем доме собралось несколько мужчин из числа наших ближайших родственников. Среди них был и мой двоюродный дедушка. Отец закрыл дверь, и мужчины просидели в комнате за разговором несколько

часов подряд. Всё это время я сидела во дворе под яблоней. Там было темно, поэтому меня никто не видел, но мне самой было хорошо видно комнату, где все они собрались. Затем двоюродный дедушка вынул из кармана странную бумагу и что-то на ней написал. Я обо всём догадалась и подумала про себя: «Ну вот, Гадам, тебя всё-таки разлучили с отцом».

Глава 3

В тот вечер после ухода гостей отец сказал матери: «Клянусь Богом, я и сейчас не согласен выдавать Гадам замуж. Не знаю, как получилось, что дело зашло так далеко. Всему виной двоюродный брат. Он пустил слезу, и мне стало неловко. Чуть не рыдая, он сказал, что Самад ему как сын, а ведь я бы без раздумий отдал Гадам за его сына, если бы тот был жив».

Сын моего двоюродного дяди в юности заболел и умер, но несмотря на то, что с тех пор прошло много лет, его отец часто со слезами вспоминал о сыне, а все родственники сильно переживали по этому поводу. Сейчас мой двоюродный дядя воспользовался ситуацией и добился согласия отца на моё замужество, сразу обговорив и вопрос с приданым.

В Каеше есть обычай, что перед помолвкой все мужчины из числа родственников собираются вместе и договариваются между собой о предстоящем браке. Они определяют размер махра⁴, расходы на свадьбу, все необходимые покупки и закрепляют всё это в письменной форме. После этого кто-то относит эту бумагу в семью жениха. Если она согласна с предложенной суммой свадебных расходов, то её глава ставит свою подпись и вместе с подарком возвращает этот документ семье невесты.

В ту ночь я молилась, чтобы отец запросил как можно больше денег на свадьбу и чтобы семья жениха не согласилась с этой суммой, а утром следующего дня один из наших гостей отнёс бумагу со свадебными расходами отцу Самада. Тогда я узнала, что отец определил за меня махр в пять тысяч туманов. Родители Самада сначала не согласились, но сам жених, увидев эту сумму, заявил:

– Почему так мало? Надо увеличить махр.

Родственники стали возражать, но Самад настоял на своём. Он увеличил сумму махра на пять тысяч туманов и сам поставил свою подпись, а вечером того же дня семья жениха принесла расписку и отрез ткани на свадебное платье. Так рухнули все мои надежды. Оказалось, что отец легко согласился на мой брак с первым же претендентом.

Через несколько дней в нашем доме состоялась помолвка. Мужчины и женщины сидели в разных комнатах, а я спряталась в сарае в углу двора и рыдала.

Моя невестка Хадиджа обошла всё вокруг, прежде чем нашла меня. Увидев меня заплаканной, она начала меня уговаривать:

– Девочка, что всё это значит? Ты же не ребёнок! Тебе уже четырнадцать лет. Все девушки твоего возраста хотели бы, чтобы такой юноша, как Самад, сватался к ним. Чем он тебе не нравится? Ведь он из хорошей семьи. У него прекрасные родители. Если в этом году не выйдешь замуж, так придётся в следующем. Каждая девушка рано или поздно должна стать женой. Лучше Самада тебе не найти. Ты думаешь, что в нашей деревне есть кто-то лучше? Не будешь же ты ждать принца на белом коне, который возьмёт тебя за руку и отведёт во дворец? Это всё мечты. Не сходи с ума. Не отказывайся от своего счастья. Самад – хороший парень. Он тебя видел и сам решил посвататься. Брось дурить! Не обижай гостей. Они могут обидеться и уйти. Тогда начнут сплетничать, что с тобой что-то не так, и ты до конца жизни останешься в девках.

После этих слов невестки я немного успокоилась. Хадиджа взяла меня за руку и вывела во двор. Она достала из колодца воды, налила в миску и вымыла мне, как ребёнку, лицо и ладони, а потом мы пошли в дом. Я была готова провалиться сквозь землю от стыда. Руки и ноги заledenели, а сердце часто билось. Увидев меня в таком состоянии, сестра встала и накинула мне на голову красную шаль. Все гости начали хлопать в ладоши, петь песни и читать стихи. Я ничего этого не слышала. Так против своей воли я стала невестой. Про себя я молилась Богу,

⁴ Махр – любое ценное имущество, которое в Иране муж обязан передать жене в случае развода.

чтобы гости как можно скорее ушли и я смогла бы увидеть отца. Я ждала, что отец погладит меня по голове и все мои страхи пройдут.

После помолвки прошло несколько дней. Ранним весенним утром я стояла во дворе нашего дома. Двор у нас был большой. По периметру располагались жилые помещения с двумя внешними дверьми, одна из которых выходила на улицу, а другая – в сад. В саду росло много вишнёвых деревьев. Я решила пойти туда. Сад был очень зелёный и красивый, потому что деревья покрылись свежей листвой, переливавшейся в лучах ласкового весеннего солнца. После холодной зимы было очень приятно смотреть на эту цветущую природу и вдыхать свежий весенний воздух.

Вдруг я услышала какой-то звук, как будто кто-то звал меня из-за деревьев. Сначала я испугалась и замерла на месте. Прислушавшись, я услышала звук отчётливее. Затем кто-то перепрыгнул через небольшую стену нашего сада, скрывавшуюся за деревьями. Только я хотела приглядеться, как от стены отделилась тень, приблизилась ко мне и остановилась рядом. Я не могла поверить своим глазам. Это был Самад. Он весело поздоровался со мной и я растерялась, потому что не успела накинуть на голову чадру. Опустив от стыда голову, я не сказала ни слова и со всех ног кинулась во двор. Там я перепрыгнула сразу через несколько ступенек и убежала к себе, заперев дверь на ключ. Самад постоял какое-то время, но потом понял, что я уже не вернусь. Обиженный, он пошёл к моей невестке Хадидже и стал на меня жаловаться:

– Гадам меня совсем не любит. Я еле-еле взял увольнительную на базе, чтобы только повидать её и сказать пару слов. Я несколько часов ждал около сада, чтобы поговорить с ней наедине, но она, бессовестная, даже не поздоровалась. Только увидела меня – сразу убежала.

Около полудня ко мне пришла Хадиджа и сказала:

– Гадам, приходи ко мне вечером. У меня гости, а помочь некому.

Вечером я пошла в дом брата. Хадиджа в это время готовила ужин. Я стала ей помогать, не подозревая, что невестка что-то задумала. Когда прозвучал призыв к вечерней молитве и уже стемнело, открылась дверь и я увидела Самада. Разозлившись, я сказала Хадидже:

– Если отец и мать узнают, то убьют нас обоих.

Хадиджа рассмеялась и ответила:

– Если будешь держать язык за зубами, никто ничего не узнает. Отца сегодня вечером нет дома. Он ушёл в поле на поливные работы.

Немного успокоившись, я украдкой посмотрела на Самада. Почему он был в таком виде?! Волос на голове совсем не было. Хадиджа гостеприимно пригласила его в дом и он зашёл, поздоровался, но я снова не могла ответить ни слова. Ничего не сказав, я встала и пошла в другую комнату. Хадиджа меня позвала, но я не отозвалась, а через какое-то время невестка и Самад пришли в ту комнату, где я решила спрятаться. Хадиджа всем своим видом давала понять, что я поступаю неправильно. Затем она вышла из комнаты, и я осталась с Самадом наедине. Немного помедлив, я встала, чтобы уйти от его проницательного взгляда, однако он встал в дверном проёме и расставил руки, не давая мне пройти.

– Ты куда? – спросил он. – Почему от меня бегаешь? Садись. Я хочу с тобой поговорить.

Я опустила голову и села. Самад тоже сел, конечно, подальше от меня и начал тихо говорить. Он говорил о том, какой хотел видеть свою жену.

– Я сейчас служу в армии, – сказал он, – но когда служба закончится, хочу поехать в Тегеран и найти там хорошую работу.

Заметив моё беспокойство, Самад добавил:

– Хотя, может быть, я останусь здесь, в Каеше.

Он сказал, что работает бетонщиком и в столице может найти работу получше.

Я всё ещё сидела с поникшей головой и ничего не отвечала, а Самад продолжал говорить. В итоге он разозлился и сказал:

– Не молчи же! Скажи хоть слово, чтобы меня успокоить.

Но мне нечего было сказать. Я ещё плотнее прикрыла шею чадрой и с опаской поглядывала в соседнюю комнату. Когда Самад понял, что разговорить меня не удастся, он начал задавать мне вопросы:

– Где ты хочешь жить?!

Я ничего не ответила, но он не отставал:

– Ты хочешь жить вместе с моей матерью?!

– Нет, – тихо ответила я.

После этого опять наступила тишина. Самад смирился с тем, что меня трудно заставить говорить, и тоже замолчал. Воспользовавшись моментом, я вышла из комнаты под предлогом помощи хозяйке и накрыла на стол.

– Иди к Самаду, поговори с ним, – настаивала Хадиджа, – я сама всё сделаю.

Однако я не согласилась и стала помогать на кухне. Самад остался один. Я села рядом с Хадиджой у накрытого стола. После ужина я собрала посуду и, сославшись на то, что надо принести чай и обратиться на кухне, оставила их вдвоём.

В разговоре с невесткой Самад сказал:

– Думаю, я не нравлюсь Гадам. Если дело и дальше так пойдёт, мы не сможем жить вместе.

– Не волнуйся, – утешала его Хадиджа, – это естественно. Пройдёт время, и она будет относиться к тебе по-другому. Потерпи.

Самад выпил чаю и ушёл.

– Он мне не нравится. Совсем лысый, – сказала я невестке после его ухода.

– Всё дело только в этом?! – рассмеялась Хадиджа. – Ты в своём уме?! Он же солдат. Через пару месяцев закончится служба, и волосы отрастут. Что ещё не так?

– Он слишком много говорит, – ответила я.

Хадиджа снова рассмеялась:

– И это не беда. Ты ещё сама дашь ему фору, когда перестанешь стесняться и быть такой замкнутой. Слова не дашь ему вставить.

Я рассмеялась, и мы с Хадиджой начали шутить и болтать о том и о сём. Мы говорили и смеялись до самого позднего вечера.

Через несколько дней мать Самада сообщила, что собирается нас навестить. Будущая свекровь пришла одна ближе к вечеру и принесла узелок с одеждой. Поблагодарив её, мать взяла узелок, положила посреди комнаты и движением руки дала мне понять, чтобы я приблизилась. Я осторожно подошла к подаркам, села и развязала узел. Там были блузки, юбки и ткань для одежды. Ничего из принесённого матерью Самада мне не понравилось. Не сказав ни слова, я сложила все эти вещи обратно. Гостья всё поняла, но не подала вида, а мать от огорчения закусила губу и, приподняв брови, сделала мне знак, чтобы я поблагодарила за подарки. Однако я отказалась что-либо говорить.

Через несколько дней приехал и сам Самад. Он надел шапку, чтобы скрыть свою бритую голову. В руках у него была сумка. Увидев меня он, как всегда, рассмеялся, вручил мне сумку и сказал:

– Это всё тебе.

Не обронив ни слова, я взяла сумку и убежала ко входу в цокольный этаж. Самад пошёл вслед за мной и позвал меня. Я остановилась. Он тоже встал перед входом и достал из кармана какую-то бумагу:

– Гадам, Богом прошу тебя, не убегай. Посмотри, это моя увольнительная. Я отпрашивался в увольнение ради тебя. Приехал просто на тебя посмотреть!

Я посмотрела на эту бумагу, но, будучи неграмотной, не смогла из неё ничего понять. Самад это заметил и сказал:

– Это моя увольнительная. Её дали на один день, но я исправил единицу на двойку, чтобы побыть с тобой на один день дольше. Не дай Бог, если кто-то заметит, что я сам сделал исправление. Тогда мне точно несдобровать.

Я боялась, что в тот момент кто-нибудь войдёт и увидит, что мы беседуем, поэтому молча ушла в дом. Не знаю, почему он не вошёл вслед за мной. Стоя в дверях, Самад сказал:

– Что же ты мне прикажешь делать? Если я тебе не нравлюсь, так прямо и скажи. Я хотя бы буду знать, как быть дальше!

У меня не нашлось что ему сказать. В комнате была дверь, которая вела в соседнюю комнату, где я и спряталась. Самад так и ушёл, не попрощавшись, а его сумка так и осталась в моих руках.

В сумке лежало несколько блузок, юбок и платок, которые Самад купил специально для меня. Судя по вещам, у него был хороший вкус. Не знаю, что случилось, но я вдруг очень расстроилась. Собрав всю одежду, я сложила её в сумку и застегнула молнию. После этого я выбежала во двор, но Самада там уже не было.

На следующий день он не пришёл. Его не было и в последующие дни. Понемногу я начала беспокоиться за него. Мне не с кем было поделиться своей тайной, а спросить мать о том, где Самад, я стеснялась.

Как-то раз я пошла к роднику и услышала от женщин, что в гарнизоне объявлена тревога и поэтому солдат не пускают в увольнение. Отец рассказывал, что в стране проходят демонстрации против шахской власти и что во многих городах объявлено военное положение, а народ выходит на улицы с антиправительственными лозунгами. Между тем в нашей деревне всё было спокойно и жизнь шла своим чередом.

Прошёл месяц с того дня, когда я видела Самада в последний раз. Помню, что в тот день Хадиджа с братом оставались дома. Мы сидели на крыльце, как все деревенские жители. Ворота во двор были по обыкновению открыты, потому как закрывали их только на ночь.

Вдруг я услышала за воротами чей-то голос:

– Хозяева, я к вам!

Это оказался Самад. В первый раз, услышав его голос, я почувствовала нечто странное. Сердце прямо ёкнуло в груди. Брат Иман подбежал к двери, поздоровался с гостем и пригласил его войти. Увидев меня, Самад, как обычно, заулыбался и поздоровался. Я почувствовала, что краснею, будто меня ударили по щекам. Опустив голову, я ушла с крыльца. Хадиджа пригласила Самада зайти. До его появления я вышла из комнаты, потому что стеснялась разговаривать с ним в присутствии брата и сидеть с ним в одной комнате. Самад просидел и проговорил с братом и невесткой целый час. Потеряв надежду меня увидеть, он встал, попрощался и вышел на крыльцо. С загадочной улыбкой Самад сказал напоследок:

– Извините, что помешал. Кланяйтесь от меня родителям.

Потом он попрощался и ушёл.

– Гадам, ты опять дуришь? – услышала я голос Хадиджи. – Почему ты не вышла к нам? Посмотри, что он тебе принёс.

Невестка показала на чемодан, который принёс Самад, и сказала:

– Сумасшедшая! Это же всё для тебя.

Я так растерялась, когда увидела Самада, что не заметила у него в руках чемодан. Хадиджа взяла меня за руку, и мы пошли в одну из дальних комнат, где его и открыли. На внутренней стороне крышки была изящно приклеена фотография Самада. Увидев её, мы рассмеялись. В чемодане было полно одежды и кусков тканей, а ещё нашли куски душистого мыла, придававшие вещам тонкий аромат.

Вещи были сложены самым аккуратным образом, так что Хадиджа с иронией сказала:

– Ну, ты, Гадам, и дура. Смотри, как тебе повезло. Он же любит тебя.

В дверь постучал Иман, который решил пойти вслед за нами. Я вскочила с места и попросила Хадиджу, чтобы она спрятала чемодан.

– Зачем его прятать? – удивилась невестка.

Мне было стыдно, что Иман увидит эти подарки.

– Если брат увидит фото Самада, то решит, что я тоже дала ему свою карточку.

Иман снова постучал и спросил:

– Почему вы закрылись? Откройте. Я тоже хочу посмотреть.

Мы с Хадиджей пытались оторвать фотографию Самада от крышки чемодана, но ничего не получилось. Самад очень хорошо её приклеил.

– Смотри, как он тебя любит. Приклеил насмерть, – пошутила невестка.

Тем временем Иман так колотил в дверь, как будто хотел сорвать её с петель. Мы поняли, что выхода нет, фото Самада отодрать мы не можем, и решили спрятать чемодан в комнате под одеялами и подушками. Хадиджа открыла дверь. Иман быстро сообразил, что мы от него что-то скрываем, внимательно осмотрел комнату и спросил:

– А где же чемодан с вещами, который принёс Самад?

– Умоляю, не выдавай меня, – зашептала я Хадидже. – О нём должны знать только мы с тобой.

Тогда невестка отвлекла брата каким-то разговором, взяла его под руку и вывела из комнаты.

Глава 4

Время шло. Иногда Самад ненадолго появлялся, а иногда его не было целыми месяцами. В стране царил хаос: антишахские демонстрации докатились уже до деревни. Прошла весна, потом – лето, вслед за ним наступила и минула осень. Пришла зима, которая выдалась очень холодный в тот год.

Когда Самада не было, я его совсем не вспоминала, однако с его приездом всё менялось и у меня появилось предчувствие, что между нами вот-вот должно что-то произойти. Мысль об этом меня сильно беспокоила. Однако внимательность ко мне отца успокаивала меня, и я быстро забывала обо всех тревогах.

До наступления нового года оставалось несколько дней. Мать приготовила праздничный ужин и пригласила родственников, ведь она славилась своим гостеприимством на всю деревню. Никто во всём Каеше не умел так вкусно готовить. Все ценили её за добродушие и звали не иначе как «дорогая Ширин».

В тот день к нам пришли сёстры и невестки, чтобы помочь на кухне. Семью Самада мы тоже позвали в гости.

Вечером я заметила, что часть гостей поднимается на плоскую крышу над нашей комнатой и начинает там петь и танцевать. Посредине крыши было окошко, как во всех домах нашей деревни. В скором времени пришли ребята и сообщили, что Самад и его друзья собрались на крыше. Мы продолжали сидеть и слушать песни, как вдруг увидели, что через окошко на крыше по веревке спускается какой-то свёрток, свисая прямо над корен⁵.

В тот вечер мы позвали в гости и нескольких моих подруг. Они захлопали в ладоши и начали кричать:

– Гадам, возьми свёрток!

Я не могла поверить, что Самад в качестве жениха устроил всё это представление для меня как для своей невесты, поэтому даже не сдвинулась с места и только сказала:

– Идите и возьмите сами.

Одна из моих подруг потянула меня за руку и сказала:

– Иди быстрее!

Делать было нечего. Я подошла, встала на корей, а Самад вздумал пошутить и потянул за верёвку, чтобы я не смогла ухватиться. Мне пришлось встать на цыпочки, но Самад ещё больше подтянул верёвку, и через отверстие в потолке я слышала, как он смеётся.

⁵ Корси – традиционный иранский низкий стол с жаровней внизу. Сверху стелется тёплое одеяло, краями которого укрывают нижнюю часть тела для обогрева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.